

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА,

доктор философских наук, заведующий отделом социально-политических процессов Института социологии НАН Украины, главный редактор журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”

НАТАЛИЯ ПАНИНА,

доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины

Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе *

Abstract

The article presents an institutionalization concept in a post-soviet society. The double institutionalization phenomenon was described as specific social mechanism which supports social stability and integration under conditions when institutional bases of social life are ruining. In order to test hypotheses on specific character and tendencies of post-soviet institutionalization and new social institution formation, the author uses the data of sociological monitoring on social changes in Ukrainian society conducted by the Institute of Sociology of the NAS of Ukraine for many years.

Категории “институт”, “институционализация”, “институциональные изменения”, как и большинство ключевых социологических понятий, не имеют строгого и однозначного смысла в современной социологической

* Доклад, представленный на международной конференции “Социальная динамика постсоветского общества: Украина в сравнительной перспективе”, состоявшейся в Институте социологии НАН Украины (Киев) 27–30 сентября 2001 года. Подробнее о ходе конференции см. стр. 217–218.

теории. В их конкретном истолковании многое зависит от теоретической ориентации социолога и конъюнктурных задач, связанных с решением исследовательской проблемы. Поэтому выбор теоретических оснований для постановки вопроса о постсоветской институционализации требует предварительных замечаний, касающихся, с одной стороны, авторского понимания институциональных структур и процессов, а с другой — определения специфики социальных изменений, связанных с возникновением феномена трансформирующегося постсоветского общества.

Что касается нашего понимания проблемы “институциональности” в социологии, то, не настаивая на несколько гипертрофированном утверждении о том, что социологическую теорию можно определить как попытку объяснить процессы институционализации и деинституционализации [1], мы в основном разделяем традиционное направление исследования природы социальной интеграции и социального порядка, акцентирующее внимание на социальных институтах в их становлении, функционировании, взаимосвязи и изменении. При этом под социальным институтом мы понимаем упорядоченные и относительно устойчивые социальные образования, которые включают социальные организации, поддерживающие официально или конвенционально принятые правила, регулирующие социальное поведение в определенной сфере общественной жизни на основе вынужденного или добровольного согласия большинства членов общества с наличием данных социальных организаций и правил.

Исходя из такого понимания социального института, **институционализацию** следует определять как процесс становления новых социальных институтов в трех аспектах:

- 1) процесс становления и принятия обществом новых социальных правил (законов, нормативных структур, традиций и ритуалов);
- 2) создание организационных структур, ответственных за артикуляцию и порядок соблюдения данных правил и составляющих социальную инфраструктуру институционализированного поведения;
- 3) формирование отношения массовых субъектов к социальным правилам и организационным структурам, отражающего согласие людей с данным институциональным порядком.

Соответственно **деинституционализация** является процессом разрушения институциональных образований, изменением социальных правил и явно выраженным (или скрытым, латентным) неприятием институциональных требований к социальному поведению.

Принимая также традиционный “секторальный” подход к классификации социальных институтов, предполагающий дифференциацию институтов в соответствии с определенными сферами общественной жизни, далее мы рассмотрим процессы деинституционализации и становления новых социальных институтов в политической, экономической и социально-культурной сферах, включая в последнюю институты, ответственные за воспроизводство и развитие человека и его духовной культуры (семья, медицина, образование, религия, наука и т.п.).

Связывая процессы радикальных социальных изменений (в том числе и постсоветскую трансформацию общества) с процессами деинституционализации и становления новых социальных институтов, мы хотим подчеркнуть, что разрушение институциональных основ социальной жизни в каком-либо из данных секторов является предпосылкой возникновения со-

циального кризиса, угрожающего существованию данного общества — его способности обеспечивать жизненно важные социальные потребности. Так, тотальная политическая деинституционализация приводит к политическим потрясениям, гражданским конфликтам, анархии, а в конечном счете — к авторитарной или тоталитарной политической реинституционализации. Разрушение экономических институтов связано с глубоким социально-экономическим кризисом, падением уровня и качества жизни, экономическим хаосом. Радикальное преобразование социально-культурных институтов, как правило, является следствием политических переворотов, когда пришедшие к власти режимы вводят тотальные институциональные запреты и инновации. Во всех случаях радикальной деинституционализации общество переживает серьезные потрясения и терпит значительный урон, связанный с сокращением или фрагментированием “институционального пространства”. В образовавшихся “институциональных лакунах” находят место массовые проявления социальной агрессии, цинизма, аномической деморализованности, политической демагогии и бездумного конформизма.

В отличие от радикальной деинституционализации, вызывающей социальные потрясения и катастрофы, постепенные изменения социальных институтов являются необходимым условием развития общества в соответствии с внутренними и внешними факторами, определяющими потребность в социальных изменениях. Хотя умеренная деинституционализация неизбежно связана с возникновением аномических тенденций и проблем социальной интеграции, эти явления, как правило, преодолеваются без социальных катаклизмов, благодаря постепенному вытеснению старых институтов новообразующимися. Эти механизмы описаны в таких концептах, как “модель институциональных отклонений” [2], “смещение культурного фокуса” [3], “контринституциональные ценности” [4], “институционализация конфликта”, “социетальное изменение при нарастающей актуализации неинституциональных феноменов” [5], “смена символического универсума” [6], “от-микро-к-макро переходный процесс” [7], “самоконструирование в условиях институционализированного плюрализма” [8]. Исследователи проблем институционализации, как правило, акцентируют внимание на историчности, традиционности и преемственности институционально регулируемого социального порядка и самих социальных институтов [9], а процесс смены институтов рассматривают как постепенную реконструкцию. Возможно, именно поэтому социологам не удастся ни объяснить, ни предсказать “взрывные” процессы деинституционализации. Различного рода подходы к процессу радикальной деинституционализации с точки зрения классических теорий социальной революции в современных условиях общественного развития также оказываются малопродуктивными в силу того, что известные в прошлом революции обычно заканчивались не только сменой правящих режимов и радикальными институциональными инновациями, но и мощными контрреволюционными выступлениями, приводившими к гражданским войнам, социальному хаосу, неизбежному возникновению феноменов победившей революционной или реставрационной диктатуры.

Иная ситуация складывается в большинстве случаев современных “**институциональных взрывов**” (этот термин означает осуществление в кратчайшие сроки всеохватывающей институциональной реорганизации и принятие новых законодательных основ социальной жизни), связанных с посткоммунистической трансформацией обществ. Получившие названия “бар-

хатных революций”, посткоммунистические преобразования в государствах Центральной и Восточной Европы обнаружили возможность крайне сжатого в историческом времени коренного изменения институциональной системы без сопутствовавшей подобным процессам в прошлом тотальной социальной дестабилизации. И хотя в отдельных постсоветских государствах наблюдались вспышки политического насилия и нестабильности, в целом посткоммунистические трансформации последнего десятилетия оказались менее дестабилизирующим процессом, чем этого можно было ожидать, учитывая взрывной характер отказа этих государств от институциональных основ общественной жизни.

Именно “бархатный” характер посткоммунистической деинституционализации обусловил появление концепций, подобных “концу истории”, автор которой, впрочем, вскоре был вынужден существенно откорректировать свои прогнозы, касающиеся судьбы Клийо, слухи о смерти которой оказались несколько преждевременными [10]. И связано это с тем, что опыт посткоммунистических государств оказался не отражением глобальной цивилизационной тенденции, а лишь одним из уникальных исторических феноменов, объяснению которого на примере украинского общества и посвящена данная работа, где в качестве эмпирической базы анализа проблемы постсоветской институционализации использованы результаты многолетнего социологического мониторинга (1992–2001 годов) динамики украинского общества, осуществляемого Институтом социологии НАН Украины [11].

В своем анализе изучаемой проблемы мы исходим из фундаментального для социологической науки положения, согласно которому социальная интеграция, социальный порядок и само существование социума невозможны без наличия в нем основополагающих социальных институтов в политической, экономической и социальной сферах. Причем даже если эти институты формально конституированы — существуют соответствующие учреждения и законы — всеобщее несогласие жить по этим законам и недоверие институциональным учреждениям неизбежно приводит к разрушению существующего социального порядка, критическому уровню социальной нестабильности, социально-политической конфронтации, развалу экономики, социальным беспорядкам и новому “институциональному перевороту”. Так, по крайней мере, следует из классических социологических теорий социальных изменений и социальных революций. Рассмотрим в данном аспекте ситуацию в украинском обществе после развала СССР и образования нового государства, в котором после провозглашения независимости в 1991 году произошли весьма специфические изменения во всех секторах институционального пространства.

Гипотезы о характере постсоветской деинституционализации

Сам эмпирический факт разрушения институциональных основ советского общества в результате развала СССР и сопровождавших этот процесс политических, экономических и социально-культурных изменений вряд ли может оспариваться в рамках современных социологических подходов к изучению феномена институциональности. Достаточно сказать о феномене развала сверхдержавы, об утрате господства коммунистической идеологии и уничтожении института однопартийности, о ликвидации монополии института государственной собственности, об исчезновении одиозных тоталитарных институтов.

литарных институтов в сфере духовной жизни — цензуры, атеистического воспитания и т.п. Трудно назвать хотя бы один социальный институт, который бы полностью или частично не разрушился в результате постсоветских преобразований. Принципиальные изменения не коснулись разве что института семьи. В такой ситуации неизбежно возникает угроза полной дестабилизации социальной жизни, тотальной дезинтеграции и социального хаоса, поскольку институциональные основы социального порядка были разрушены практически до основания. Однако для ряда постсоветских государств (и прежде всего для Украины) столь радикальная деинституционализация не обернулась ни социальным хаосом (“*bella omnium contra omnes*”), ни драматической социальной нестабильностью, связанной с агрессивным внутривнутриполитическим конфликтом.

Что касается Украины, то здесь не наблюдалось даже традиционное в таких случаях резкое обострение социально-классовых и межэтнических отношений. Более того, многолетние наблюдения за уровнем социально-классовой и этнической толерантности в украинском обществе показали, что в Украине не сработал социальный механизм, характерный для кризисных государств и обществ: ухудшение социально-экономической ситуации и социального самочувствия населения не привели к росту проявлений социальной нетерпимости и дискриминации людей по этническому признаку [12]. Тем самым Украина, на наш взгляд, продемонстрировала во многом перспективный для всего человеческого сообщества механизм поддержания социальной стабильности в условиях постоянно углубляющегося социально-экономического кризиса. Примечательно, что даже мощный социальный всплеск протестной активности, связанной с “кассетным скандалом”, в который оказалась вовлечена вся политическая и интеллектуальная элита Украины, не привел к существенной дестабилизации социально-экономической ситуации, начавшей постепенно улучшаться именно в последние два года, что отразилось и на некотором улучшении социального самочувствия населения [13].

Объяснить такого рода социальные феномены с точки зрения институциональной теории можно двумя гипотетическими предположениями:

- 1) *деинституционализация была сугубо демонстративной и не затронула глубинных основ институционального порядка, в результате чего старые институты сохранили свою регулятивную функцию в новых социальных условиях;*
- 2) *становление новых социальных институтов происходило столь же быстрыми темпами, что и разрушение старых, и новые институты смогли выполнить компенсаторную интегрирующую и стабилизирующую функцию.*

Первая гипотеза представляется более близкой к социологической фантастике, нежели к социальной реальности. Хотя, разумеется, в развитии новых социальных институтов можно отметить отдельные элементы “институциональной мимикрии” (когда, например, институт государственной собственности отчасти воспроизводится в акционерной системе приватизации, институт президентской власти во многом воспроизводит старую систему однопартийного управления, а институт партийных привилегий перерастает в систему привилегий для демократически избранной власти), тем не менее эти признаки институционального перерождения не являются решающими в оценке того, сохранили ли старые институты способность

регулировать социальные отношения и социальное поведение. Решающим аргументом здесь служит бесспорный факт разрушения старых социальных институтов “сверху” — законодательным путем, с последующей коренной реорганизацией институциональных учреждений. Каким бы экономически неэффективным ни был процесс приватизации государственной собственности в первые годы его осуществления, он основывался на легальном базисе, исключающем возможность государственной монополии на собственность в сфере производства и торговли. Как бы близок по духу ни был институт исполнительной власти в постсоветских государствах к советской партийной монополии, его законодательно определенные полномочия и сам способ функционирования (на основе демократических выборов) принципиально отличаются от института однопартийной власти. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что старые социальные институты, обеспечивавшие определенную социальную стабильность и интегрированность общества, в результате посткоммунистической трансформации утратили по крайней мере два из трех институциональных атрибутов — легальность и организационную инфраструктуру. А следовательно, гипотеза о возможной сохранности старых институтов в новых социальных условиях вряд ли может быть конкурентоспособной в объяснении факторов социальной стабильности в украинском обществе времен постсоветской трансформации.

В дальнейшем анализе мы будем исходить из того, что социальные институты могут иметь различный статус в обществе по критериям легальности и легитимности и соответственно обладать разной степенью влияния на процессы социальной интеграции и формирования социального порядка. Это положение достаточно четко сформулировал У.Бакли: “Если мы собираемся использовать термин “институция”, это означает, что мы должны быть готовы отличать “легализированные” от “легитимизированных” институций и “легитимизированные” от “нелегитимизированных” институций; социальную власть от легитимизированного руководства и утилитарное или вынужденное подчинение от нормативной конформности и ценностного согласия” [14, с.167]. Такое понимание социальных институтов подразумевает рассмотрение нескольких типов институциональных образований, имеющих различное влияние на интеграционные процессы и социальную стабильность в обществе. Среди них полноценным интегративным и стабилизирующим потенциалом обладает только тот, который наделен всеми институциональными атрибутами — легальностью, легитимностью и институциональной инфраструктурой.

Не имея легального статуса и организационной инфраструктуры, старые социальные институты сохраняются лишь в форме традиционных конвенциональных норм и стереотипов массового сознания, связанных с советской традицией согласия с этими нормами социальных отношений и поведения. Поэтому о сохранении советской институциональной системы в современных условиях можно говорить только в контексте традиционной легитимности, свидетельством которой является и сохраняющийся институт государственного патернализма, и существенное влияние на политическую жизнь постсоветского общества коммунистических партий, и преобладание в структуре производства “псевдоприватизированных” (якобы акционерных) предприятий и т.п. Самого факта традиционной легитимности вполне достаточно для того, чтобы признать остаточное влияние старых социальных институтов на регуляцию социальных отношений и пове-

дения людей, однако этого факта явно недостаточно для объяснения наблюдаемого в украинском обществе уровня социальной стабильности и интеграции. Скорее наоборот, остаточное влияние нелегальных и противоречащих декларируемым целям государства институциональных норм может приводить к дестабилизации и дезинтеграции, побуждая к протесту против новых легальных социальных институтов. Такого рода волны социального протеста, основанного на “нормах советского общежития”, наблюдались в России в октябре 1993 года и в значительно более спокойной форме — в Украине, отразившись в массовом протестном голосовании за Коммунистическую партию Украины на парламентских и президентских выборах.

Вторая гипотеза, гласящая, что новые социальные институты в кратчайшие сроки обрели необходимые атрибутивные качества для выполнения интегративных и стабилизирующих функций, имеет под собой некоторые основания, связанные с их легальным статусом и наличием новой институциональной инфраструктуры, формально обеспечивающей реализацию регулятивных функций. Разумеется, сразу же возникает вопрос — насколько вообще возможно внезапное возникновение принципиально новых и эффективных социальных институтов. С точки зрения классической теории социальных институтов это вообще невозможно, поскольку институт, по определению, не может родиться как “Афродита из пены морской”. Для институционализации ролевой структуры и нормативной системы необходим весьма длительный эволюционный период. Можно предположить, что новые социальные институты постепенно вызревали в недрах советской институциональной системы и в момент образования независимых государств СНГ приобрели легальный статус.

Для такого предположения имеются серьезные основания. Выше отмечалось, что некоторые старые социальные институты в результате “социальной мимикрии” сохранили свое влияние и продолжают функционировать в новых социальных условиях. Вместо ожидаемого их вырождения наблюдается своеобразное перерождение, образно говоря — “реинкарнация”. Благодаря этому в социальной структуре постсоветского общества сохранились многие статусные и ролевые позиции для социальных акторов, занимавших аналогичные позиции в прошлом. Так, например, в новых государственных структурах практически без материального, социально-статусного и морального ущерба оказалась старая номенклатура. В свою очередь, новые институты возникали не на пустом месте, поскольку уже в советском прошлом зарождались теневые социальные институты, обладавшие специфической легитимностью, функционируя и развиваясь вне правового поля, но обладая массовой поддержкой как компенсаторные регуляторы “естественных” человеческих и деловых отношений в условиях искусственных правовых и идеологических ограничений тоталитарной системы. Таким путем из советских институтов “блата” (всеобщего протекционизма) и “теневой экономики” могли посредством легализации довольно быстро сформироваться институты частной собственности и предпринимательства.

Этот социальный феномен исследован представителями “неоинституционального подхода”, акцентирующими внимание в исследовании социальных изменений прежде всего на институциональной преемственности, приращении “институционального пространства” и выступающими против интерпретации ускоренных социальных изменений как моментов разрыва преемственности в институциональном развитии; в частности, отмечалось, что в

СССР долгое время существовал институт “административного рынка”, который, собственно, и подготовил переход к рыночной экономике [15, 16].

Но одной только легализации “теневых институтов” явно недостаточно для их превращения в принципиально новые эффективные институты, соответствующие новым декларированным целям развития государства и общества. Недостаточно узаконить “расхищение государственной собственности” в форме приватизации или “теневую экономику” в форме предпринимательства, чтобы эти институты приобрели легитимный статус в обществе и люди выразили согласие жить по этим нормам и правилам не как участники “теневой стороны социальной жизни”, а как законопослушные граждане демократического государства. Нелегитимность новых политических и экономических институтов обнаружилась вскоре после их легализации в независимой Украине. Об этом свидетельствовали данные опросов, касающиеся доверия основным социальным институтам; причем крайне низкий уровень доверия, зафиксированный в 1994 году, остается практически неизменным вплоть до настоящего времени (см. табл. 1).

Таблица 1

Доверие к различным социальным субъектам и институтам в Украине, %

	1994 год N = 1807		2000 год N = 1810	
	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют
Семье и родственникам	86.9	3.6	93.0	2.7
Самому себе	89.6	2.4	93.5	2.3
Соседям	40.7	20.3	39.0	21.7
Соотечественникам	30.2	18.7	30.4	20.6
Богу	61.2	14.2	68.8	12.5
Коллегам	37.5	15.5	38.7	17.9
Церкви и духовенству	35.6	27.3	38.8	30.0
Астрологам	16.9	44.7	15.8	51.3
СМИ	19.9	36.6	29.1	31.3
Милиции	12.8	57.1	12.5	57.0
Коммунистической партии	14.5	65.0	16.9	59.2
Националистам	7.4	69.4	6.6	69.3
Верховной Раде	10.1	51.2	7.1	62.3
Армии	38.1	24.1	34.8	26.0
Правительству	11.4	48.8	13.9	49.8
Президенту	16.1	52.8	27.1	43.2
Частным предпринимателям	13.8	43.4	16.7	46.3
Руководителям государственных предприятий	13.9	42.1	12.4	47.1
Профсоюзам (традиционным)	14.5	47.3	12.5	49.2
Новым профсоюзам	8.8	41.2	6.7	49.1

Примечание. В таблице не представлены данные, отражающие позицию части респондентов, ответивших “трудно сказать, доверяю или нет”.

Нетрудно заметить, что граждане, доверяющие политическим институтам, составляют весьма редкое исключение. За последние годы доверия в обществе явно не добавилось, а по ряду позиций заметен некоторый регресс. Определенное повышение уровня доверия Президенту Украины во многом связано с тем, что в 1994 году опрос проводился накануне президентских выборов, а в 2000 году — вскоре после выборов. Но даже по отношению к новоизбранному Президенту недоверие явно преобладает над доверием. По-настоящему большинство граждан Украины доверяют только себе, своим близким и Богу.

Особенностью сложившейся в этот период нравственно-психологической атмосферы является массовая деморализация, всеобщее разочарование в социальных идеалах и изрядная доля социального цинизма. Чтобы проиллюстрировать последнее утверждение, приведем данные опроса 2000 года, в котором содержался ряд позиций (из тестов на социальный цинизм и аномическую деморализованность), отражающих отношение людей к самой возможности верить во что-то и кому-либо доверять в украинском обществе (см. табл. 2).

Таблица 2

Отношение граждан Украины к суждениям о вере и доверии в обществе (N = 1810), %

Суждения о вере и доверии в обществе	Согласен	Не согласен	Не знаю
При нынешнем беспорядке и неясности трудно понять, во что верить	78.5	14.6	6.9
Проблема сейчас в том, что большинство людей вообще ни во что не верит	87.9	7.3	4.8
Никому не доверять — самое безопасное	52.0	31.7	16.4
Большинству людей можно доверять	34.5	46.2	19.3
Раньше люди лучше себя чувствовали, потому что каждый знал, как поступать правильно	72.1	15.8	12.1

Если судить по согласию или несогласию людей с представленными выше суждениями, то общая картина нравственно-психологической атмосферы, царящей в украинском обществе, выглядит крайне удручающе. Однако иной она сегодня и не может быть, учитывая состояние институциональной системы, когда старые институты уже утратили свою регулятивную функцию, а новые еще не сформировались. Об этом свидетельствуют данные о недоверии как старым, так и новым институтам (к примеру, большинство граждан Украины в равной мере не доверяют руководителям государственных предприятий и предпринимателям, старым и новым профсоюзам, коммунистической партии и институту многопартийности). В этой ситуации действуют временные ситуативные нормы, связанные с необходимостью выживания “здесь” и “теперь”. Именно ситуативность, временность, неустойчивость социальной позиции отнимает у людей и доверие обществу, и веру в социальную справедливость.

В этих условиях важнейшую компенсаторную функцию выполняют два фактора, позволяющие людям сохранять определенную психологическую устойчивость и ощущение перспективы. Первый фактор — доверие людей

самим себе и своим близким. Именно в себе и своем ближайшем окружении подавляющее большинство граждан Украины черпают необходимые социально-психологические ресурсы для физического, духовного и нравственного выживания в условиях социально-экономического кризиса и тотальной аномии. Второй фактор связан с сохраняющимися надеждами на будущее, причем речь идет не о ближайшей перспективе, которую большинство украинцев оценивают весьма скептически. Так, в опросе, проведенном фирмой “СОЦИС” осенью 1998 года (по репрезентативной для взрослого населения Украины выборке было опрошено 1200 человек), только 17% граждан Украины выразили надежду на то, что “теперешние трудности в экономике и общественной жизни” будут продолжаться менее 5 лет. Вместе с тем, на более отдаленную перспективу люди смотрят с большей надеждой. Отвечая на вопрос: “Если взвесить ситуацию в нашем обществе, то как Вы оцениваете перспективы ее изменения в будущем?”, 45% выразили надежду на постепенное изменение социальной ситуации к лучшему и только 22% были уверены в том, что ситуация по-прежнему будет ухудшаться.

Эти надежды во многом связаны с массовым представлением о том, что Украина будет эволюционировать в том же направлении, что и развитые демократические страны, для которых сегодняшние трудности украинского общества — это проблемы, оставшиеся в прошлом. Именно западная социально-экономическая модель должна служить, по мнению большинства граждан Украины, ориентиром дальнейшего развития государства и общества. Оценивая перспективы развития человеческой цивилизации и своего собственного государства в XXI веке, украинцы высказывают различные мнения — оптимистические, нейтральные и пессимистические. Однако по некоторым позициям оптимистические оценки по отношению к Украине высказываются чаще, чем к миру в целом (см. табл. 3).

Таблица 3

Отношение населения Украины к социальным изменениям в мире и Украине в XXI веке (по данным опроса, проведенного в январе 2000 г.), %

В XXI веке будет:	В мире		В Украине	
	меньше	больше	меньше	больше
Голодающих	31.7	32.6	35.1	38.0
Жертв вооруженных конфликтов	25.8	33.8	37.1	15.1
Здоровых людей	46.2	26.1	46.6	28.9
Террористических актов	24.2	31.8	33.2	17.8
Экологических катастроф	22.8	36.1	28.9	27.5
Выдающихся научных открытий	8.5	46.6	13.1	42.3
Национальной нетерпимости	26.1	18.9	32.2	15.2
Коррупции (взяточничества)	21.3	40.4	24.7	42.1
Кризисов в экономике	25.1	33.6	28.8	36.1
Просто счастливых людей	29.8	32.9	32.1	33.9

Примечание. В таблице не представлены данные, отражающие позицию той части респондентов, которые ответили “будет столько же”.

Как видно, свою страну украинцы в перспективе оценивают несколько оптимистичнее по таким позициям, как терроризм, вооруженные конфликты, экологические катастрофы, национальная нетерпимость. По ряду позиций заметно преобладание пессимистических оценок (почти в равной мере для Украины и мира в целом) — здоровье, экономические кризисы, коррупция. Существенное преобладание оптимистических оценок наблюдается только в одном — выдающиеся научные открытия в мире и Украине. В целом же надежды на прогресс Украины близки к касающимся развития человеческой цивилизации. И хотя пессимистические оценки в ряде случаев высказываются чаще, чем оптимистические, они в равной мере касаются будущего как Украины, так и всего человечества.

Как видим, институциональное пространство украинского общества оказывается крайне противоречивым и необъяснимым с точки зрения обеих выдвинутых выше гипотез. С одной стороны, большинство членов общества не доверяют ни старым, ни новым институтам, испытывают чувство аномической деморализованности, а с другой — сохраняют социальную выдержку, толерантность и веру в перспективу развития общества в русле общецивилизационного процесса. Какими социальными механизмами может обуславливаться столь противоречивая картина? Если новых институтов еще нет как легитимных, а старых уже нет как легальных, то какие же институциональные образования могут выполнять достаточно эффективные регулятивные, интегративные и стабилизирующие функции? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть специфический и во многом уникальный характер постсоветской институционализации.

Феномен двойной институционализации общества в постсоветской Украине

Имеются ли основания говорить об уникальности именно постсоветской институционализации? Ведь аналогичные социальные трансформации переживает весь посткоммунистический мир. Однако мы считаем, что посткоммунистическая трансформация социальных институтов в странах бывшего “социалистического лагеря” отличается от постсоветской. И хотя польские социологи подчеркивают, что “коллапс коммунистических режимов в Восточной Европе привел к драматической трансформации политических и экономических институтов” [17, с.183], польское общество уже в самом начале трансформаций имело новые легальные и легитимные институты — рыночную экономику, “Солидарность”, католическую церковь [18]. Кроме того, только в постсоветских условиях возник феномен тотальной коррумпированности, подорвавший процесс легитимизации новых социальных институтов. Этот феномен описан российскими социологами: “В постсоветской ситуации разрушение авторитарных нормативных структур создало ситуацию коррумпированности всех ценностей и нормативных систем общества на различных уровнях (включая личный) — не менее серьезную и опасную, чем широко обсуждаемая коррумпированность его экономических и политических систем” [19, с.512]. В Украине отражением этого феномена в массовом сознании явилось устойчивое представление о том, что среди прочих социальных групп ведущая роль в строительстве нового государства принадлежит мафии [11, 12].

И наконец, в посткоммунистическом мире только в постсоветских государствах (за исключением стран Балтии) у всех поколений граждан практически полностью отсутствовал социальный опыт жизни в условиях политической демократии и рыночной экономики. Поэтому сохранение социальной интеграции и стабильности в Польше, Венгрии, Чехии и других странах “поздней коммунизации” имеет иные институциональные основания, нежели в России и Украине, позволившие им в краткие сроки осуществить “шоковую терапию” и достигнуть положительных социально-экономических результатов в то время, когда экономика постсоветских государств ускоренно разрушалась, а в политической жизни бурно развивались реставрационные процессы. Тем не менее, украинское общество даже в таких условиях избежало угрозы “второго пришествия” коммунистического мессии и агрессивных социальных конфликтов. Объяснить это, на наш взгляд, можно, приняв гипотезу о специфике институциональных процессов, суть которой сводится к следующим ключевым положениям:

- 1) системообразующие институты советского общества, утратив легальность в результате перестройки и развала СССР, не утратили традиционной легитимности — согласия людей с социальными правилами, основанными на идеологии государственного патернализма, сохранении государственной собственности на крупные предприятия, социалистических льгот для населения и привилегий для правящей элиты, неизменности позиций государственного сектора в социальной сфере — образовании, здравоохранении, науке, художественной культуре, управлении конфессиональными и межэтническими отношениями;
- 2) нелегальные (теневые) институты советского общества — теневой рынок (“левое” производство и спекуляция в условиях дефицита), блат и коррупция, организованная преступность, двойная мораль (разрыв между публичной и приватной моральными позициями) — трансформировались в легальные институты “переходного общества”, но не приобрели должной легитимности в силу их массового восприятия в качестве “узаконенного беззакония”; отсюда и несогласие людей жить по формально легализованным, но остающимся “теневыми” по сути правилам и признавать новые учреждения в качестве базисной институциональной инфраструктуры общества;
- 3) испытывая чувство аномической деморализованности, недоверия и неудовлетворенности своим положением в обществе, большинство граждан Украины пребывает в состоянии амбивалентности по отношению к институциональным образованиям, легальность или легитимность которых не обеспечены правом или моралью; такого рода амбивалентность проявляется в массовом согласии жить в таком институциональном пространстве, где легальность обеспечивается самим фактом узаконенного существования новых институтов, а легитимность — сохранением мимикрированных старых институтов, сохраняющих традиционную регулятивную функцию и опирающихся на сохраненные элементы социальной инфраструктуры, старые социальные позиции и ролевые предписания.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать гипотезу о том, что **лишь при двойной институционализации обеспечивается весьма свое-**

образная “институциональная гиперполноценность” украинского общества, основанная на согласии людей жить в таком институциональном пространстве, где действуют и старые, и новые институты, обеспечивающие своим противоречивым сосуществованием наличие всех необходимых для социальной интеграции и стабильности атрибутов институциональности.

Рассмотрим, как эти абстрактные положения реализуются в социальной практике. Начнем с примеров, иллюстрирующих феномен двойной институционализации. Как известно, в советском обществе институты здравоохранения и образования основывались на государственном регулировании, имевшем необходимые атрибуты легальности и легитимности. В теневом институциональном пространстве существовали формы нелегальной врачебной практики и репетиторства. В новых социальных условиях государственные институты бесплатной медицины и образования существуют как легальные и практически полностью воспроизводящие советскую инфраструктуру. Сохранились не только учреждения, но и рабочие места, статусные позиции и роли, конституирующие соответствующие институты. Вместе с тем легализированы частные клиники и учебные заведения, которые в идеале должны были конкурировать с государственными и повышать качество образования и здравоохранения. Однако в условиях тотальной коррумпированности частная медицина паразитирует на государственной инфраструктуре, и преимущественно одни и те же медицинские работники выполняют параллельно две роли: малооплачиваемых и по-своему бескорыстных государственных служащих и специалистов, предоставляющих дорогостоящие частные услуги за счет снижения качества бесплатной медицинской помощи. В двух ролях выступают и школьные учителя, которые в государственных школах, с одной стороны, за нищенскую зарплату обеспечивают возможность получения бесплатного образования в государственной школе, а с другой — повсеместно облагают родителей данью, увязывая ее с возможностью получения детьми хороших оценок.

Парадокс двойной институционализации заключается в том, что в роли больных и родителей учащихся большинство граждан Украины принимают такую институциональную систему как неизбежное зло, а точнее как меньшее из зол, оставляющее, по крайней мере, возможность маневра в противоречивом институциональном пространстве. Двойные роли — народных избранников и активных участников предпринимательской деятельности — выполняют депутаты всех уровней, поскольку властные и коммерческие институты образовали то, что, пользуясь термином Р.Инглехарта, можно назвать “симбиотической взаимосвязью” [20]. В такой парной взаимосвязи находятся практически все институциональные образования, обеспечивая гражданам Украины возможность в каждом институциональном секторе испытывать двойную институциональную нагрузку и находить необходимые для социального согласия атрибуты легальности и легитимности.

Не ограничивая обоснование выдвинутой гипотезы иллюстративным материалом, мы связываем его с двумя критериями, способными подтвердить или опровергнуть предположение о двойной институционализации. Первый критерий — соответствие характера институциональных процессов состоянию массового сознания в Украине. Это означает, что двойственность институциональных правил должна находить отражение в преобла-

дающем психоамбивалентном отношении людей к институциональным основам общественной жизни. Феномен массовой амбивалентности в украинском обществе был описан нами ранее [21]. Здесь же подчеркнем, что он остается неизменным на протяжении всего периода мониторинговых наблюдений вплоть до настоящего времени. Одним из наиболее общих проявлений амбивалентного отношения к институциональным основам (старым или новым) общества является двойственность по отношению к различным общественным системам, в названии которых отражена принципиальная институциональная оппозиция: капитализм–социализм. Рассмотрим в этой связи распределение ответов граждан Украины на вопрос об отношении к альтернативным политическим силам (см. табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов граждан Украины на вопрос
“Политические силы в данное время делятся на тех, кто хотел бы
возврата к социализму, и тех, кто хочет строить капитализм.
Как вы лично относитесь к этим силам?”, %**

Варианты ответов	1994 N = 1807	1995 N = 1810	1996 N = 1800	1997 N = 1800	1998 N = 1810	1999 N = 1810	2000 N = 1810	2001 N = 1800
Поддерживаю социалистов	22.1	22.5	20.1	20.9	23.6	23.4	25.5	23.6
Поддерживаю сторонников капитализма	12.7	13.2	13.3	10.8	11.1	10.9	17.1	12.9
Поддерживаю и тех, и других, лишь бы не конфликтовали	23.7	18.7	17.8	16.9	19.6	20.5	18.0	17.6
Не поддерживаю никого из них	20.0	23.8	25.3	26.1	23.5	22.5	20.4	24.2
Другое	1.8	2.8	2.0	2.1	2.9	3.2	3.5	3.2
Трудно сказать	19.3	19.1	21.6	23.1	19.4	19.2	18.5	18.3
Не ответили	0.4	0.1	0.0	0.0	0.0	0.3	0.0	0.1

Как видим, всего около трети респондентов готовы поддержать одну из двух взаимоисключающих позиций — “за капитализм” или “за возвращение к социализму”. Каждый пятый гражданин Украины не имеет определенного мнения. Остальные же демонстрируют амбивалентность с конформной или нигилистической направленностью. В социологии термин “амбивалентность” впервые использовал Р.Мертон, рассматривавший двойственность и противоречивость социальной позиции личности как следствие социальной аномии [2]. Специфика посттоталитарной амбивалентности проявляется в нескольких аспектах: во-первых, в массовом и индивидуальном сознании взаимоисключающие ценностно-нормативные подсистемы сосуществуют не как антагонисты, а как согласованные элементы единого типа сознания и эмоционального отношения к социальной действительности; во-вторых, противоречивые системы ценностей характерны не для разных

социальных групп, конкуренция между которыми могла бы привести в конечном итоге к установлению иерархической системы, а фактически для каждой большой социальной группы; и, наконец, в-третьих, амбивалентность проявляется в противоречивых сочетаниях демократических целей социальных преобразований и тоталитарных средств реализации демократических идей. Наиболее ярко амбивалентность проявляется в параллельной ориентации личности на взаимоисключающие ценности и нормы. Обладая амбивалентным сознанием, человек вполне может одновременно выступать за рыночную экономику и твердые цены, за полную независимость Украины и против ее выхода из Союза. Вспомним мартовский референдум 1991 года, когда население Украины в ходе одного голосования высказалось сразу и за федерацию, и за конфедерацию. В социологических исследованиях этот феномен обнаруживается при анализе отношения одних и тех же людей к взаимоисключающим политическим институтам.

Для амбивалентного типа политического сознания характерно не критичное принятие или отрицание любых политических альтернатив. Для конформно-амбивалентного сознания “да” капиталистическому выбору отнюдь не означает “нет” возврату к социализму. Нигилистически-амбивалентное сознание резистентно по отношению к любым попыткам вывести общество из кризиса переходного периода. Нигилистически настроенные граждане Украины составляют наиболее значительную часть респондентов, а вместе с конформистами — 40%. Что касается остальных, имеющих определенную политическую позицию или затруднившихся ответить, то здесь амбивалентность имеет не столь явную форму, когда взаимоисключающие позиции присутствуют в одном суждении. Не выражая явно противоречивой политической позиции, многие люди страдают от скрытой амбивалентности, когда сознательно декларируется одна политическая позиция, а на уровне не всегда ясно осознаваемых установок проявляется тяготение к противоположной позиции. Таково сознание личности мозаично-амбивалентного типа. Для демократически ориентированной личности конфликт мозаичного сознания заключается в противоречии между демократическим идеалом и реальными темпами и масштабами демократизации, что порождает стремление любыми средствами ускорить процесс демократического обновления, в том числе и средствами из хорошо освоенного тоталитарного арсенала — ужесточением борьбы со всякого рода “врагами демократии”. Для убежденных консерваторов-социалистов этот конфликт прорывается в их весьма парадоксальных требованиях обеспечить им все демократические свободы, явно несовместимые с их коммунистическими убеждениями. Вообще говоря, амбивалентная личность более соответствует переходному состоянию общества, чем образцовый сторонник демократического общества с ясным, непротиворечивым сознанием и вполне определившимся отношением к тому, что укладывается в демократические нормы. В условиях двойной институционализации амбивалентное сознание является нормой, соответствующей двойственной и противоречивой институциональной регуляции социальных отношений и поведения. А следовательно, массовая амбивалентность является достаточно убедительным свидетельством существования феномена двойной институционализации.

Вторым критерием специфической постсоветской институционализации выступают соответствующие изменения социальной структуры. В со-

циологической теории общепризнанным является положение о том, что институциональные изменения лишь тогда приобретают системообразующий характер в обществе, когда происходят соответствующие изменения в социальной структуре и стратификации. Классическая социологическая теория изменения социальной структуры основывается на довольно длительном наблюдении за процессом становления западного общества, в котором основы социальной стратификации и демократические институты складывались столетиями, а революционные изменения происходили во времена, когда о социологии как науке никто не помышлял. В отличие от эволюционного развития общества, когда новые элементы социальной структуры постепенно вытесняют старые или заполняют образовавшиеся “вакантные места” в развивающемся социуме, новые социальные структуры и институты в постсоветском обществе возникли в крайне сжатые сроки — как мгновенная социальная реакция на снятие идеологического табу с частной собственности и предпринимательской деятельности.

Подавляющее большинство правящей бюрократии и рядовых граждан в это время не были заинтересованы в принципиальном изменении социальной стратификации, даже если на декларативном уровне и поддерживали идею изменения общественной системы и углубления рыночных реформ. В социалистической системе многое не устраивало людей, но только не гарантированная занятость и возможность вертикальной мобильности для выходцев из рабочего класса и крестьянства, что неизбежно требовало избыточного и структурно несбалансированного создания рабочих мест и престижных социальных позиций. И если сегодня свои претензии к власти за низкую и несвоевременно выплачиваемую зарплату предъявляют широкие слои интеллигенции и рабочего класса, если на остановленных предприятиях миллионы работников уходят в неоплачиваемый отпуск, — это результат своеобразной защиты бюрократией, сдерживающей реформы, интересов этих самых социальных групп и слоев, для которых ломка социальной структуры в процессе радикального реформирования экономики будет означать и радикальное сокращение их рядов, утрату перспективы занятости по основной профессии и необходимость жесткой конкуренции на рынке труда.

Даже в России, опередившей Украину в социально-экономическом реформировании, до сих пор в основных чертах сохраняется прежняя “стратификационная модель”, когда большинство общества сосредоточено в базовом слое [22, с.17]. При этом за годы независимости России неомоноклатурный слой государственных управленцев вырос почти в полтора раза. Основная причина количественного роста госаппарата управления в России, Украине и других постсоветских государствах заключается в необходимости обслуживать, наряду со старой социальной структурой, по остаточным институциональным нормам которой все еще живут представители наиболее массовых социальных слоев, также и новообразованную социальную структуру — “бизнес-слой”, мелких предпринимателей, торговцев и т.п. Среди разросшейся бюрократии ведется незримая война за те управленческие функции и рабочие места, которые в первую очередь связаны с контролем над новыми структурами, поскольку в этом контроле — основной источник благополучия коррумпированной бюрократии.

В условиях, когда старая социальная структура в основных своих чертах сохранилась, а партийная номенклатура переросла в правящую деидеоло-

гизированную бюрократию, пополнившую свои ряды за счет наиболее удачливых демократических лидеров, в обществе возникла параллельная социальная структура. Новая структура развивается по собственным институциональным правилам, которые способны принять лишь наиболее активные и подготовленные индивидуумы, составляющие явное меньшинство в обществе, но потенциально претендующие на доминирующую роль. В новую социальную структуру включились социально-классовые и профессиональные группы, которые по своей численности составляют явное меньшинство, но по своим притязаниям на собственность и доход существенно превосходят запросы представителей традиционных и наиболее массовых слоев. Возникший феномен неэквивалентного социального обмена (когда большинство получает меньше реального вклада, а меньшинство — значительно больше, чем позволяют легальные источники дохода) не способствовал развитию тенденции к слиянию двух структур, приведя к их принципиальному размежеванию в общественном мнении как “страдающего народа”, с одной стороны, и “преуспевающей мафии” — с другой.

Параллельное существование двух социальных структур обеспечивает и новый социальный порядок, в котором наиболее активные новые социальные акторы не стремятся к дестабилизации общества, опасаясь коммунистической институционально-структурной реставрации, а представители массовых старых слоев стараются вместе с двойной институционализацией хотя бы отчасти сохранить свои привычные социальные роли и позиции. В результате большинство общества находит согласие в принятии такой социальной ситуации, когда старые и новые социальные институты сосуществуют, обеспечивая своим противоречивым влиянием легальность и легитимность существующего социального порядка.

Перспектива развития постсоветских социальных институтов

Очевидно, что двойная институционализация — феномен временный и явно тормозящий процесс демократической трансформации общества. Он создает ролевою, нормативную и инфраструктурную перегруженность институционального пространства и постоянно воспроизводит чувство социальной беспомощности и неудовлетворенности социальным положением у большинства людей. Их согласие жить в условиях двойной институциональной нагрузки является скорее вынужденным и обусловленным особенностями социально-культурного типа “*homo postsoveticus*”, исторический опыт которого все еще сохраняет страх перед окончательным отказом от старой институциональной системы, а новый постсоветский опыт свидетельствует о бесперспективности раздвоенного институционального порядка. В силу двойной нормативно-ролевой нагрузки в постсоветском обществе крайне ограниченным оказывается неинституционализированное социальное пространство, которое, по убеждению исследователей проблем формирования социального капитала и новых социальных движений, и является реальным источником современного демократического развития общества и институциональных инноваций, обеспечивающих развитие гармоничных общественных отношений [7, 10, 20, 23, 24, 25].

Перспектива перехода украинского общества к внутренне непротиворечивой институциональной системе связана с возможностью развития так называемой “неинституциональной политики”, основанной на активности

самодеятельных социальных движений и организаций, способствующих освоению неинституционального пространства и формированию социального капитала и новых форм демократической правовой, политической, экономической и духовной культуры. Оценка потенциала украинского общества в данном контексте все еще не осуществлена и, на наш взгляд, является наиболее актуальным направлением в дальнейшем изучении процессов институционализации в Украине.

Литература

1. *Turner J.* The Structure of Sociological Theory. — Homewood, Illinois, 1974.
2. *Merton R.* Social Theory and Social Structure. — London, 1964.
3. *Herskovits M.J.* Man and His Works. — New York, 1948.
4. *Blau P.* Exchange and Power in Social Life. — New York, 1964.
5. *Tiryakian E.* Structural Sociology // Theoretical Sociology. Perspectives and Developments. — New York, 1970.
6. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М., 1995.
7. *Coleman J.S.* Foundations of Social Theory. — Cambridge, Massachusetts, 1990.
8. *Bauman Z.* Intimation of Postmodernity. — London; New York, 1992.
9. *Войтович С.* Проблема социальных институтов в социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 2. — С.151–166.
10. *Fukuyama F.* The Social Virtues and the Creation of Prosperity. — New York, 1996.
11. О выборке и организации мониторинговых исследований см.: Українське суспільство 1994–2001. Результати опитування громадської думки. — К., 2001.
12. *Panina N., Golovakha E.* Tendencies in the Development of Ukrainian Society (1994–1998). Sociological Indicators. — Kiev, 1999.
13. *Головаха Є., Панина Н.* Соціальний портрет сучасної України // Напередодні. Україна на рубежі XXI століття. — К., 2000. — С.42–53.
14. *Buckley W.* Sociology and Modern Systems Theory. — Englewood Cliffs, New Jersey, 1967.
15. *Aligica P.* The Institutionalists' Take on Transition // Transition. — 1997. — Vol.3. — № 4. — P.46–49.
16. *Зегберс К.* Трансформації в Росії та Східній Європі: неінституціональна інтерпретація // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 4–5. — С.21–40.
17. *Slomczynski K., Janicka K., Mach B., Zaborowski W.* Mental Adjustment to the Post-Communist System in Poland. — Warsaw, 1999.
18. *Rycharz A.* Old and New Institutions of Public Life // Societal Conflict and Systemic Change. The Case of Poland (1980–1992). — Warsaw, 1992. — P.211–224.
19. *Левада Ю.* От мнений к пониманию. — М., 2000.
20. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. — Princeton, New Jersey, 1997.
21. *Головаха Є.І.* Особливості політичної свідомості: амбівалентність суспільства та особистості // Політологічні читання. — 1992. — № 1. — С.24–29.
22. *Заславская Т.И.* Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. — М., 1996. — С.17.
23. *Offe C.* The New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics // Social Research. — 1988. — Vol.52. — Winter. — P.817–868.
24. *Putnam R.D.* Bowling Alone // Journal of Democracy. — 1995. — № 6. — P.65–78.
25. *Hamel P., Lustiger-Thaler H., Maneu I.* Is There a Role for Social Movement // Sociology for the Twenty-first Century. Continuities and Cutting Edges. — Chicago; London, 1999.